

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК 177

DOI: 10.46724/NOOS.2024.3.5-17

Г. Н. Гумницкий

НРАВСТВЕННЫЙ ПОСТУПОК И ЕГО ОЦЕНКА [ЧАСТЬ I]¹

Аннотация. В фокусе внимания автора — поведение, поступок, моральная оценка — феномены, которые находятся в центре внимания этики как философской науки. Автор анализирует природу и содержание поступка, структуру моральной оценки, ее социальные функции и значение для решения задач нравственного воспитания, обосновывает специфику моральной ценности поступка и его результата. Автор опровергает точку зрения, согласно которой оценка поступка есть результат «сложения» оценки действия и оценки мотива. Действие уже включает влияние мотива и имеет два аспекта: внешнюю значимость и внутреннюю, психологическую обусловленность, которая зависит не только от морального побуждения, но и от других субъективных факторов. Моральное содержание действия — следствие этического потенциала личности, моральная оценка — выражение последнего.

Ключевые слова: поведение, поступок, деятельность, действие, мораль, нравственность, моральное отношение

Ссылка для цитирования: Гумницкий Г. Н. Нравственный поступок и его оценка [часть I] // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 5—17.

G. N. Gumnitsky

MORAL ACT AND ITS EVALUATION [PART I]

Abstract. The author focuses on behavior, action, moral assessment — phenomena that are in the center of attention of ethics as a philosophical science. The author analyzes the nature and content of the action, the structure of moral assessment, its social functions and significance for solving the problems of moral education, substantiates the specificity of the moral value of the action and its result. The author refutes the point of view according to which the assessment of the action is the result of the "addition" of the assessment of the action and the assessment of the motive. The action already includes the influence of the motive and has two aspects: external significance and internal, psychological conditioning, which depends not only on the moral impulse, but also on other subjective factors. The moral content of the action is a consequence of the ethical potential of the individual, the moral assessment is an expression of the latter.

Keywords: behavior, deed, activity, action, morality, ethics, moral attitude (relation)

Citation Link: Gumnitsky G. N. (2024) Moral act and its evaluation [part I], *Noospheric Studies*, no. 3, pp. 5—17.

© Гумницкий Г. Н., 1978

¹ Текст приводится по изданию: Гумницкий Г. Н. Нравственный поступок и его оценка. М.: Знание, 1978. 64 с.

Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 5—17 •

Проблема предмета моральной оценки

К настоящему времени выявились три точки зрения по вопросу о том, в чем состоит предмет моральной оценки. Вопрос обычно ставится в следующей форме: какой момент поступка — мотив или результат — имеет определяющее значение для его оценки?

Прежде всего отметим выдвинутое Иммануилом Кантом понимание, согласно которому поступок следует оценивать по его мотиву. При таком понимании результаты поведения людей, по существу, оказываются безразличными. Если оценка всецело зависит от мотива, то учет результата лишается всякого смысла, хотя безотносительно к результату поступок нельзя рассматривать и оценивать: ведь он совершается именно ради результата. Между тем бывает и так, что положительный моральный мотив не приводит к положительному результату. Известно изречение «благими намерениями вымощена дорога в ад». В нем выражена мысль, что результаты благих намерений могут быть отнюдь не благими. Моральный мотив выражается в соответствующем намерении, то есть решении сделать доброе дело, но, скажем, какой-нибудь сильный соблазн или серьезное внешнее препятствие могут привести к тому, что человек или воздержится от выполнения намерения, или даже совершит плохой поступок, принесет зло. Вряд ли разумно в этом случае оценивать поступок морально положительно.

В качестве реакции на такое понимание поступка и его оценки возникло прямо противоположное: ценность поступка определяется его результатом. Сторонники такой концепции рассуждают следующим образом. Мотивы сами по себе не полезны и не вредны для общества. Важны результаты, поэтому сфера морали — это, по существу, сфера реальных действий и их результатов, она определяется прежде всего объективной полезностью поведения людей для общества. С этой точки зрения морально то, что полезно для общества, моральное сводится к общественно полезному. Если рабочий выполняет норму, дает нужную обществу продукцию, то его поведение должно быть оценено как моральное, хотя бы у него были только личные материальные побуждения. При этом иногда ссылаются на то, что было бы неправильно считать такое поведение неморальным. Что касается мотивов, то их предлагают учитывать для определения — относительной моральной ценности поступков. Но более последовательно с этих позиций вообще отказаться от учета мотивов: ведь важен факт полезности результата. От того, что мы примем во внимание ценность побуждения, объективная полезность результата ни на йоту не увеличится и не уменьшится. Значит, если в качестве исходного принят принцип оценки поступка по результату, то постановка вопроса о значении мотива для уточнения` оценки оказывается логически неправомерной. Но если все дело сводится к полезности результата самой по себе, то при чем тут вообще мораль и моральная оценка?

Полезный для общества продукт может быть произведен определенным работником исключительно из корыстных соображений, без всякого влияния морального мотива. Отсюда следует, это общественно полезное может находиться вне связи с моральным, а установление факта полезности еще не есть установление моральности. Очевидно, что моральная оценка имеет отношение к морали, к ее действию как фактора поведения, к проявлению морального побуждения в оцениваемом действии или в его результате. Применять же её к полезному как к таковому, даже в том случае, когда оно заведомо не обусловлено

морально, значит рассматривать ее как нечто, не имеющее никакого отношения к морали, лишать ее своеобразия, по существу, сводить моральную оценку к утилитарной (основанной лишь на принципе пользы).

С рассматриваемой точки зрения моральная оценка оказывается вообще излишней. Если моральное тождественно полезному, то первый термин равнозначен второму, не содержит ни одного признака, который бы не содержался во втором, то есть является его синонимом. Но тогда его надо исключить из научной терминологии. Действительно, зачем полезный результат называть моральным, если это имеет лишь тот смысл, что он полезен?

Сторонники второй точки зрения, видимо, исходят из известного положения, согласно которому о людях надо судить не по их словам и намерениям, а по их делам. Из него как будто вытекает тот вывод, что оценивать следует не намерения, а дела, их фактическую полезность или вредность для общества. Но такой вывод основан на смешении двух различных вопросов: почему, по каким признакам оценивать и что оценивать? Конечно, фактические дела можно и нужно оценивать и сами по себе, но не в этом состоит сущность моральной оценки.

«...По каким признакам, — писал В. И. Ленин, — судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей...»². Здесь четко расчлениются два вопроса: о чем судить и по чему судить? Судить по действиям — не то же самое, что судить о действиях и только. За действиями стоят люди. По их действиям мы можем судить о них самих, об их помыслах и чувствах. Действия дают нам ключ к установлению субъективных оснований, которые в них проявились, но содержание этих оснований не тождественно внешней полезности или вредности действий и их результатов. Сам факт полезности или вредности действий еще не раскрывает их внутреннего смысла. Последний может быть понят лишь в свете помыслов и чувств. Поэтому полезность действия или его результата — это не критерий оценки поступка, а лишь один из критериев (причем не всегда определяющий) установления внутренних побуждений, которые и служат критерием моральной оценки действия. Иначе говоря, моральная оценка действия и его результата неотделима от оценки их субъективного основания. Отсюда ясно, что противопоставлять полезность результата (как критерий моральной оценки) мотиву совершенно неправильно.

Приведем два примера решения разбираемого вопроса, которые мы находим в работах В. И. Ленина. В статье «О чесотке» В. И. Ленин саркастически высмеивает тех, кто не понимает, что оценка покупки оружия у разбойника, сделки с ним, зависит от целей (мотивов) этой сделки. «Не зависит ли оценка того, — пишет он, — хорошо или дурно я поступаю, приобретая оружие у разбойника, от цели и назначения этого оружия? От употребления его в нечестивой и подлой или в справедливой и честной войне?»³. «Всякий здоровый человек скажет: добыть куплей оружие у разбойника в целях разбойных есть гнусность и мерзость, а купить оружие у такого же разбойника в целях справедливой борьбы с насильником есть вещь вполне законная»⁴. Внешне действие одно и то же — покупка оружия у разбойника. Но суть его не тождественна внешней форме, она

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 423—424.

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 364.

⁴ Там же. С. 363.

скрыта за ней и лежит в сфере побуждений, выражающих назначение этого действия. Противоположные цели (мотивы) определяют и противоположные оценки внешне одного и того же действия.

В статье «Заметки публициста» В. И. Ленин, указывая на факт предательства революции в Венгрии частью венгерских социалистов, которое было совершено ими из-за их малодушия, бесхарактерности и т. д., замечает по этому поводу: «В личном смысле разница между предателями по слабости и предателем по умыслу и расчету очень велика; в политическом отношении этой разницы нет, ибо политика — это фактическая судьба миллионов людей, а эта судьба не меняется от того, преданы ли миллионы рабочих и бедных крестьян предателями по слабости или предателями из корысти»⁵. В политике суть дела в объективном значении предательства, здесь мотивы несущественны. В личном же, то есть моральном, отношении, его нельзя оценивать просто как объективный факт, как нечто объективно вредное, здесь существенно субъективное основание предательства, его мотивы. Поэтому и получается, что в личном отношении разница — между предателем по слабости и предателем по умыслу очень велика.

Если бы моральная оценка целиком и полностью определялась объективной полезностью или вредностью результата поступка для общества или класса, тогда ни о какой разнице в этом случае нельзя было бы говорить. Однако нет сомнения в том, что она должна признаваться и учитываться. Это означает, что разбираемая точка зрения (критерий моральности поступка — полезность или вредность результата действия) не дает правильного решения проблемы предмета, или, как иногда говорят, критерия, моральной оценки.

Наконец, предлагается третья точка зрения, которая пытается преодолеть недостатки первых двух самым простым способом, а именно, соединяя их в одну. Чтобы правильно оценить поступок, считают некоторые авторы, надо соединить оценку мотива с оценкой результата, найти общую, синтезирующую оценку, свободную от односторонности, которая свойственна каждой из них в отдельности. Однако что может дать такой синтез и вообще возможен ли он?

Прежде всего следует исходить из того, что моральная оценка не может быть нулевой, нейтральной — ни положительной, ни отрицательной, — ибо нет нейтральных поступков. Поступок может или соответствовать моральной норме, или ей противоречить. В первом случае он морален, во втором — неморален (аморален).

Если мы оцениваем поступок с положительным мотивом и отрицательным результатом или, наоборот, с отрицательным мотивом и положительным результатом, то в обоих случаях мы не можем дать какую-то среднюю, или нулевую, оценку, следовательно, оценка должна быть или положительной, или отрицательной. В любом случае она будет соответствовать или только мотиву, или только результату, охватить их вместе она не сможет.

Значит, если оценка будет дана по результату, то при отрицательном результате она окажется отрицательной, каков бы ни был мотив. Таким образом, рассматриваемая точка зрения является логически несостоятельной, неосуществимой в силу внутренней противоречивости, и это выражается в том, что фактически она сводится к одной из двух точек зрения, о которых говорилось выше.

⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 40. С. 131—132.

Правда, для уточнения оценки результата можно было бы просто сослаться на характер мотива, отмечая его смягчающее или отягчающее вину значение. Но в таком случае при оценке поступка, например, с положительным мотивом и отрицательным результатом пришлось бы лишь констатировать оба момента, то есть, по существу, дать не единую, а двойную оценку, которая еще ничего не оценивает, ибо так и не устанавливает, морален или неморален оцениваемый поступок.

Предлагая сочетать в оценке поступка оценки его мотива и результата, вольно или невольно исходят из предпосылки о независимости результата от мотива. Действительно, будь результат следствием мотива, он не мог бы расходиться с последним по своей моральной значимости, и тогда не было бы никакой нужды в том, чтобы уточнять или изменять одну оценку за счет другой. Но, спрашивается, результатом чего же он является? Этот вопрос почему-то остался вне поля зрения исследователей. Между тем он имеет весьма существенное значение.

Если результат является следствием субъективного основания поступка, то есть мотива (ибо ни о каком другом субъективном основании ничего не говорится), то его оценка не должна расходиться с оценкой мотива. Но тогда исчезает обсуждаемая проблема. Если же результат порожден какими-то внешними причинами, то какое, собственно, отношение он имеет к поступку и почему его оценка должна влиять на оценку поступка? Ведь, скажем, моральная (как и правовая) оценка проступка (или преступления) — это установление вины совершившего его лица. О какой же вине может идти речь, если отрицательный результат возник не по вине этого лица, а по не зависящим от него внешним обстоятельствам! «По вине» — значит «в зависимости от воли субъекта, от его намерения» и т. д. Результат, не зависящий от воли, не может быть вменен в вину или в заслугу, он вообще не должен быть отнесен к поступку, ибо иначе вышло бы, что не все, относящееся к поступку, подлежит моральному вменению, оценке и регулированию, что в нем остается нечто принципиально неконтролируемое.

Итак, результат поступка, противоречащий его субъективному основанию, — это что-то неуловимое, таинственное, непознаваемое. Однако поскольку ничего непознаваемого, как известно, не существует, то очевидно, что мы здесь имеем дело с какой-то фикцией, с чем-то таким, чего на самом деле нет и быть не может.

Когда к поступку относят результат, который не зависит от субъекта, то, по существу, имеют в виду не поступок, а действие с его объективными последствиями. Такое смешение понятий можно объяснить тем, что проблема поступка еще недостаточно разработана в нашей этической литературе. С этим связана и неясность в вопросе о соотношении результата и его субъективного основания. Если результат поступка нельзя объяснить из мотива, то не означает ли это, что наряду с мотивом существуют какие-то другие элементы субъективного основания поступка, от которых зависит его результат?

Чтобы во всем этом разобраться, надо прежде всего выяснить, что такое поступок.

Понятие поступка

Для выяснения специфики поступка его целесообразно сопоставить с действием (соответственно поведение — с деятельностью, являющейся совокупностью действий). Если мы рассмотрим какое-либо человеческое действие, имеющее моральное значение, мы, однако, не увидим в нем специфической моральной «операции», а в его результате не обнаружим каких-то особых «моральных свойств». Среди трудовых и любых других движений и операций нет таких, которые можно было бы выделить в разряд моральных. В детали, сделанной рабочим, руководствующимся моральным отношением к труду, нельзя найти такого свойства, которого была бы лишена такая же деталь, сделанная другим рабочим, заботящимся только о зарплате. Добросовестно трудиться, это значит вести себя нравственно в области трудовой деятельности. Но конкретный труд, то есть труд, производящий потребительные ценности, является внеэтической деятельностью. Любая другая деятельность по своей конкретной форме имеет внеэтический характер. Человек, бросающийся на помощь утопающему из морального побуждения, может сделать те и только те движения, которые физически, или технически, необходимы для оказания такой помощи. Но никаких «моральных движений» он при этом произвести не сможет.

Итак, поступок не есть действие, а действие не есть поступок. Поступок входит в содержание действия, является одним из его аспектов. Благодаря чему же действие выступает в качестве поступка, в чем сущность того аспекта действия, который является поступком?

Действие многогранно, так, труд можно рассматривать в различных отношениях — в социологическом, психологическом, физиологическом, экономическом и других, — в которых он проявляется разными своими гранями. В экономическом отношении, например, труд выступает двояко: в качестве конкретного и абстрактного. Этический аспект — лишь один из многих аспектов трудового и всякого другого действия. Выявить этическое содержание действия, значит найти тот его аспект, который можно оценить как моральный или неморальный.

Не все виды действий имеют моральную значимость. Выделив сферу действий, обладающих такой значимостью, мы тем самым определим один из существенных признаков, которыми они характеризуются. Нетрудно заметить, что этический смысл имеют только те действия человека, которые затрагивают интересы других людей, общества. Если мы представим себе человека, который делает что-то для самого себя (при этом на какое-то время надо отвлечься от его отношений с обществом и условно допустить, что его действия не затрагивают ничьих интересов, кроме его собственных), например, вскапывает свой личный огород, чинит одежду, смазывает машину и т. п., то в этих действиях мы не найдем никакого морального содержания. Мы их сможем оценить как полезные для него, но не как моральные.

В связи с этим можно отметить, что «физическая» сторона действия не имеет морального содержания. Действительно, вскапывая свой собственный или общественный огород, человек произведет одинаковые движения, операции. Но лишь во втором случае его работа будет иметь моральную значимость. Следовательно, моральное содержание действия лежит не в его операциональной сфере, последняя нейтральна в моральном отношении и может одинаково эффективно служить как добру, так и злу.

Не совпадает ли моральность действия с его общественной полезностью?

Полезность — это объективная ценность средства по отношению к цели. Действие и его результат полезны по отношению к потребности индивида или общественного целого. Во втором случае они общественно полезны. Но полезные действия совершает и природная стихия, и животное, и машина. Суть полезности действия ни в малейшей степени не зависит от того, что или кто его производит.

Общественная полезность действий — это необходимый признак их моральности, ибо только в отношении личности к обществу имеет смысл вопрос о том, что морально и что неморально. Если человек не бережет свои собственные вещи, можно сказать, что он вредит себе, что он нерасчетлив, неаккуратен и т. п., но все это — не этические, а прагматические характеристики, то есть имеющие прямое отношение прежде всего к практической полезности (вредности), эффективности (неэффективности) средств и образа действия для достижения той или иной (все равно какой) цели. Только в том случае, если он нерадиво относится к общественной собственности, его поведение следует оценить с точки зрения морали. Но признак общественной полезности действий и их результатов не является достаточным для того, чтобы отнести их к моральной области. Не все, что общественно полезно, может быть моральным или аморальным.

Прежде всего очевидно, что только человеческие действия могут иметь моральную значимость. Пожалуй, никто не станет спорить с тем, что полезное для общества действие, производимое природной силой, животным или машиной нельзя расценивать с моральных позиций. Между тем физическая характеристика такого действия и его эффективность, а значит и полезность результата могут быть совершенно одинаковыми как в этих, так и в том случае, если оно произведено человеком. Скажем, работу по упаковке может производить человек вручную, но ту же операцию может выполнить и автомат. Следовательно, то, что именно человек осуществляет общественно полезное действие, само по себе еще не придает этому действию морального содержания. Дело, видимо, в какой-то отличительной особенности человеческой деятельности, благодаря которой она выделяется из всей совокупности различных форм деятельности.

Отличительной особенностью действий человека, как известно, является то, что, совершая их, он руководствуется сознательно поставленной целью. К деятельности человека побуждают его потребности, для удовлетворения которых он должен создать соответствующие предметы. Прежде чем создать тот или иной предмет, человек строит в своей голове его идеальный образ и тем самым определяет цель для своей деятельности. Осознаваемая им же потребность служит мотивом, побуждающим его к достижению этой цели. Очевидно, различные виды действий можно различать по их целям и побуждениям.

По моральному содержанию действие не имеет своей целью создание какого-либо определенного предмета потребности, блага. Ведь моральность мы не связываем с тем, что отличает один вид деятельности от другого. Моральным может быть любое действие, направленное на достижение общественно полезной цели, какой бы конкретный характер ни имела эта цель. Существует множество видов труда, моральное же отношение к труду одно. Моральный кодекс строителя коммунизма характеризует это отношение как добросовестное отношение к труду на благо общества. Ясно, что это отношение определяется не конкретной целью данного вида труда, а его общей значимостью для общества,

общественной полезностью как таковой. Полезность вещи, а если она создается для общества, то тем самым и ее общественная полезность обеспечивается конкретным трудом. Значит, общественная полезность, или общественное благо, еще не составляет специфической цели морального побуждения.

Мораль создана обществом, чтобы обеспечивать социально ценное поведение индивидов, побуждать человека действовать в интересах своей общности, группы, класса, приносить благо обществу, классу или отдельной личности. Но мораль — не единственный побудитель, приводящий к созданию общественного блага (или блага личности). Роль такого побудителя может, например, сыграть и личная заинтересованность. Поэтому в понятии общественного блага еще не выражена специфика моральной цели. Дело не в самом факте постановки этой цели, а в том, какое место эта цель занимает в системе личностных целей, какую значимость она имеет для личности.

Человек может стремиться принести пользу обществу, но видеть в этом лишь средство для достижения личной выгоды. Благо общества в этом случае выступит для человека в качестве промежуточной цели и как таковое, видимо, еще не приобретает значения моральной цели. Действительно, в рассматриваемом случае не имеет смысла говорить о долге по отношению к общественным интересам, ибо они рассматриваются человеком под совершенно иным углом зрения, лишь с точки зрения выгоды, личной пользы. Чтобы быть моральной целью, благо общества должно выступить для личности в качестве, ее высшей цели, такой цели, к достижению которой стремятся ради нее самой, притом ставят ее выше узко личных целей, так что она приобретает значение объекта долга, то есть статус моральной цели.

Обеспечение блага общества и его членов можно рассматривать как внешнюю цель морали, в которой еще не выражена специфика последней. Все дело в том, чтобы установить, каким способом мораль достигает этой цели, а это можно сделать, если установить ее непосредственную, так сказать, «внутреннюю» цель.

Непосредственную цель морали мы обнаружим, если рассмотрим характерные особенности функционирования морали как регулятора поведения. Хорошо известно, что мораль выступает в виде системы норм, которые воспринимаются высоконравственной личностью как непререкаемые повеления. К их исполнению личность побуждается не расчетом, не соображениями собственной выгоды, а представлением об их приоритете перед всеми другими побуждениями, имеющими лишь индивидуальную значимость, иначе: говоря — чувством и сознанием долга. Главный принцип коммунистической морали — принцип преданности делу коммунизма — означает, что построение коммунистического общества — высшая цель личности, с которой она должна согласовать все свои индивидуальные цели, подавляя и отбрасывая побуждения, препятствующие её достижению. Отсюда ясно видно, в чем заключается специфическая, внутренняя цель морали. Этой целью является согласование личного и общественного, в частности (и в особенности) подчинение личного, если оно вступает в конфликт с общественным и препятствует его обеспечению. Существенным моментом здесь является также то, что цель согласования личного с общественным выступает в качестве цели самой личности, как ее собственная потребность, которой она руководствуется вполне свободно и добровольно, как и всякой другой

своей потребностью. С этим обстоятельством связана еще одна важная и характерная особенность моральной цели.

Если рассматривать потребность как цель для деятельности, направленной на ее удовлетворение, то она же явится и мотивом этой деятельности, ибо потребность как непосредственная нужда в чем-либо не нуждается в собственном мотивировании. Нам, например, не надо объяснять себе и другим, почему мы хотим есть или пить. Моральность — одна из потребностей личности, хотя она и не врождена ей, а сформирована обществом. Поэтому она не требует обусловливания, мотивирования, и в этом смысле Кант был прав, называя моральное повеление категорическим. Это означает, что моральная цель вместе с тем является и мотивом, не существует как именно моральная цель, не будучи одновременно мотивом. Цель морали дана ей извне, условиями общественной жизни, но специфически моральный характер она приобретает, принимая форму потребности, следовательно форму мотива. Там, где нет морального мотива, нет вообще морали и всех связанных с ней моментов, в частности моральной значимости действий и их результатов, а значит, и моральной оценки.

В понимании моральной цели как мотива заключается рациональное объяснение высказываний, согласно которым добро должно твориться ради самого добра, долг выполняться ради самого долга и т. д. За ними скрывается та правильная мысль, что мотив добра сам уже не нуждается в мотивировании, что человек поступает морально не ради какой-то посторонней цели, а из потребности так поступать. Но это вовсе не означает, что мораль является самоцелью и не выполняет определенной общественной функции, не приносит пользы обществу, людям.

Мораль полезна, поскольку выполняет необходимую для общества функцию. Но она полезна своим особым образом, ее полезность специфична, не совпадает с другими видами пользы. В этом смысле моральное, конечно, не тождественно полезному. Специфическая польза морали — это польза согласования личного и общественного (посредством отношения личности к общественно ценному как к высшей ценности). Внутренняя цель морали состоит в том, чтобы «производить» это согласование. В то же время последнее — не самоцель, а средство для достижения внешней цели — обеспечения блага общества и личности в его многообразных формах. Несовпадение морального и полезного при этом может выразиться в том, что в определенных случаях полезное будет иметь отрицательное моральное значение. Например, удовлетворение какого-либо желания личности может противоречить интересам других, задаче согласования личных интересов с общими, той или иной моральной норме, выражающей необходимость этого согласования. Интересы общества как целого также должны согласовываться с личными интересами его членов, в противном случае то, что неоправданно наносит ущерб отдельным людям, хотя и может быть непосредственно полезным для общества как такового, имеет с позиций морали отрицательную ценность.

В самом общем виде цель морали можно охарактеризовать как общепольное. Специфически моральной целью оно является постольку, поскольку выступает в качестве личностного побудителя, высшего по своей значимости и поэтому способного преодолеть противодействие эгоцентрических побуждений. Если человек стремится к обеспечению общего блага, то это значит, что он относится к нему как к моральной цели. В этом смысле направленность на общее

благо, или общественная направленность, есть моральное отношение, а само общепольное как объект этой направленности имеет значение моральной цели.

В правильном понимании общепольное — это не только выражение интересов общества, оно включает в себя и индивидуальные интересы, общие для всех членов общества, и согласуется с интересами общества как целого. Все эти интересы отражаются в моральных нормах, требующих в условиях социализма, как известно, не только преданности общему делу или, например, добросовестного отношения к труду, но и уважения к человеку, которое направлено на каждого из членов общества. Другими словами, моральная цель имеет внутреннюю структуру, включая две наиболее важные цели — благо общества и благо личности. Поэтому и моральное отношение также расчленяется на отношение к благу общества (как к высшей цели) и отношению к благу личности (как к конечной цели). Приоритет принадлежит первому отношению, но это не означает игнорирования личных интересов, блага личности. Будучи субъектом, выполняющим требования морали, личность одновременно является ее объектом, целью, предметом заботы и уважения со стороны социалистического общества, его членов; мораль вменяет ей в обязанность сохранять и отстаивать свое достоинство и признает за ней право заботиться об удовлетворении общественно нормальных потребностей, развивать и проявлять способности в целях саморазвития и обеспечения блага общества.

Таким образом, коллективизм, свойственный коммунистической морали, вовсе не равнозначен подавлению личности, как это часто утверждают буржуазные идеологи, он лишь требует преодоления эгоистических тенденций в поведении людей. Обратной стороной социалистического коллективизма является гуманность, человечность, представляющая одну из важнейших черт нравственности.

Теперь, после того как мы охарактеризовали мораль в качестве регулятора поведения, мы можем более основательно судить о её соотношении с другими факторами деятельности, о моральной значимости действия и его результата и соответственно о смысле и содержании моральной оценки.

Согласовывать личное с общественным — значит согласовать действия личности с интересами общества или его отдельных членов. В этом согласовании и состоит моральный аспект действий. Но своей непосредственной целью они имеют создание конкретных благ, являющихся в общем и целом неморальными ценностями. Моральными ценностями последние являются лишь постольку, поскольку выступают в качестве результата моральных побуждений, моральной деятельности.

Моральная деятельность — это деятельность духовно-практическая, ибо в отличие от теоретической она в своем полном развитии реализуется в сфере практических отношений, в объективной социальной действительности⁶. Это — волевая деятельность, проходящая два основных этапа — этап морального выбора и решения и этап реализации решения в процессе объективного, неморального по своему характеру, действия. Ее субъективным исходным пунктом является моральный мотив, стимулирующая роль которого состоит в том, что он побуждает начать действие и довести его до конца, с какими бы трудностями

⁶ По вопросу о моральной деятельности см.: Блюмкин В. А. О нравственной деятельности. М.: Знание, 1977. 63 с.

для действующего лица это ни было связано, определяет такие существенные особенности действия, как старательность, напряженность, длительность и т. п.

Правда, в известных пределах эти же особенности действия могут вызываться и другими субъективными основаниями: личной материальной заинтересованностью, привычкой к труду, политическими мотивами. Все эти основания могут проявляться во взаимном сочетании между собой. Так, политические мотивы обычно действуют во взаимосвязи с моральными, в моральной форме. Моральный характер действие имеет постольку, поскольку оно обусловлено моральным побуждением. Включаясь в действие, последнее через посредство тех же особенностей оказывает на него, однако, свое специфическое влияние, придает ему дополнительную эффективность и соответственно дополнительную результативность. Так, в сфере труда собственно моральный мотив проявляется во всей своей значимости при обстоятельствах, требующих бескорыстия и самоотверженности, без помощи которых производственная задача не может быть решена. Об этих качествах, проявляемых советской молодежью в труде, говорил Л. И. Брежнев на XVIII съезде комсомола. Не только от профессиональных, но и от моральных качеств существенно зависят результаты трудовой деятельности. Роль нравственного мотива выражается в том, что благодаря ему личность способна усилием воли мобилизовать себя на трудное и ответственное дело, подавить какие-либо отрицательные побуждения, лень, усталость, наконец, инстинкт самосохранения (когда к этому вынуждают обстоятельства) и совершить то, чего требует от нее долг. Мораль прежде всего играет здесь роль пускового механизма, который освобождает энергию действия и направляет ее по определенному пути. Вместе с тем она выполняет функцию силы, обеспечивающей доведение действия до завершающей стадии.

Оттого, что моральная деятельность проявляется в труде, труд в целом не становится «моральной деятельностью», хотя его можно характеризовать как морально значимую деятельность. Может быть, все дело в том, какому моменту в данном случае придается ведущее значение, и если на первый план выдвигается моральная цель труда, то он тем самым становится моральной деятельностью? Однако целью труда является тот продукт, ради создания которого он совершается. Моральное побуждение служит одним из средств, а не целью данного трудового действия. Например, добросовестность нужна для выполнения работы, а не работа для проявления добросовестности. Поскольку же труд рассматривается в качестве средства морального воспитания, он относится к сфере педагогической, а не моральной деятельности. Видимо, морально-регулирующую деятельность общества, его отдельных органов можно считать особой, относительно самостоятельной сферой социальной деятельности. Что же касается моральной деятельности индивидов как субъектов морального поведения, то она, на наш взгляд, осуществляется лишь через другие, неморальные виды деятельности⁷.

Моральную деятельность, очевидно, нельзя отождествлять с поведением, а ее единичный акт — с поступком. Ведь о поступке может идти речь лишь тогда, когда субъективное действие (выбор, решение) переходит в объективное (исполнение решения). Непосредственно к поступку следует относить ту часть

⁷ Мы не касаемся здесь того, что и другие виды деятельности могут быть взаимосвязаны аналогичным образом. Этот вопрос слишком далеко выходит за рамки нашей темы.

деятельности, которая вплетается в действие-операцию, объективируется в нем и в его результате. Но и в этой части моральная деятельность не тождественна моральному поведению. Понятие поведения имеет особый оттенок, отличающий его от понятия деятельности. Когда мы говорим о деятельности, мы можем ограничиться рассмотрением ее внутренней структуры. Когда же мы говорим о моральном поведении личности, мы должны взять ее деятельность (и в целом, и в ее моральном аспекте) в отношении к интересам общества и к выражающей их моральной цели. Отношение же это определяется моральной позицией личности, лежащей в основе ее моральной деятельности. Поэтому поступок можно определить как субъективное моральное отношение, реализованное в объективном действии, а результат поступка — как субъективное моральное отношение, реализованное в результате этого действия.

Поведение есть аспект деятельности, в котором выражено ее отношение к общему благу, к общепольному, прежде всего к благу общности в целом. Но это не значит, что к поведению (не следует забывать, что у нас речь идет об этическом, а не о чисто внешнем поведении) относится лишь внешняя сторона деятельности, характеризующая ее общественную полезность. Поведение имеет две стороны: внутреннюю, регулятивную, образующую морально-психологическое содержание внеэтической деятельности, и внешнюю — те особенности последней, в которых проявляется внутренняя сторона поведения. Ясно, что внешнюю сторону поведения совершенно неправомерно рассматривать вне связи с ее внутренней основой, в отрыве от нее, ибо в этом случае мы ничего не сможем сказать о моральном содержании, смысле и ценности деятельности, а значит, не сможем оценить ее с моральной точки зрения.

Поступок может выступать не только в форме действия, но и в форме бездействия. Означает ли это, что общее положение о единстве поведения и внеэтической деятельности неверно и требует какого-то ограничения? Думается, что нет. Не совершая внешнего действия, человек, однако, вызывает определенный результат, например, посредством действий другого человека, которого он не поддержал, хотя мог поддержать, или которому не помешал, хотя мог помешать. Следовательно, в данном случае ход и результат действия, совершенного другим, находится в зависимости от воли, мотивов, морально-психологической деятельности бездействующего лица, не перешедшей в его собственное действие, воплотившейся в воздержании от проявления внешней активности, но именно таким образом повлиявшей на систему состоявшихся действий (или каких-либо процессов — экономических, технических, природных, в которые могло вмешаться лицо, воздержавшееся от действия). Бездействие — это не просто состояние покоя, это — результат волевого акта, завершившего цепь морально-психологических действий. Оно возможно лишь в системе действий и поэтому должно рассматриваться как момент деятельности.

Субъективное моральное отношение, проявляющееся в действии или бездействии, — это отношение волевое. В состоянии воли резюмируются этические особенности личности. Волю называют доброй или злой в зависимости от того, какие мотивы, нравственные или безнравственные, определяют совершаемый ею выбор поступков, линии поведения, являются для нее ведущими. В этом смысле мотивы можно включать в сферу воли и говорить об этическом содержании воли.

Этическое содержание воли характеризует ее отношение к моральной цели. В соответствии с указанным отношением воля определяет этическое содержание действия. Содержание же это и является поступком.

Таким образом, поступок можно определить как акт объективации волевого морального отношения в действии (или бездействии) и в его результате. Поведение есть ряд поступков. Линия поведения — его ведущая характеристика, выражающая единую направленность отдельных поступков.

Результат поступка есть результат этического содержания действия, или этического волевого отношения. Поэтому моральная оценка результата не может расходиться с оценкой этого отношения. Если результат отрицателен с моральной точки зрения, то это может означать лишь то, что и его субъективное основание является морально отрицательным, но как быть с тем фактом, что ценность результата подчас не совпадает с ценностью этического мотива, от которого зависит этическое содержание воли, определяющее поступок и его результат? Очевидно, что ответ на этот вопрос надо искать в самом моральном волевом отношении, ибо только им, и ничем иным, может определяться результат поступка.

Таким образом, наша дельнейшая задача состоит в том, чтобы, как говорится, ближайшим образом рассмотреть этическое отношение, образующее содержание поступка.

Информация об авторе / Information about the author

Гумницкий Григорий Николаевич (1924—2017) — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет (1961—1992), г. Иваново, Россия.

Gumnitsky Grigory Nikolaevich (1924—2017) — Doctor of Sciences (Philosophy), professor, professor of the department of social and humanitarian disciplines, Ivanovo State University (1961—1992), Ivanovo, Russian Federation.